

Гу Цинчэн улыбнулся, изображая хрупкость и беззащитность, и мягко проговорил:

— Я просто хотел приподняться и немного поговорить со старшим братом. Цзиньнянь-гэ, мне кажется, я становлюсь совсем ни на что не годным: даже сесть сам не могу, приходится просить тебя о помощи.

Чэн Цзиньнянь помог ему сесть, склонился и поцеговал в лоб, переполненный нежностью и жалостью:

— Не бойся, всё обязательно наладится.

Гу Цинфэн не удержался и пару раз хлопнул себя по груди — его действительно едва не стошнило.

То ли от отвращения к разыгрываемой перед ним сцене, то ли из-за малыша, что рос внутри него.

Услышав шум, Чэн Цзиньнянь недовольно зыркнул на него:

— Что ты делаешь? Зачем устраивать такой грохот? А если ты напугал Цинчэна?

Гу Цинфэн посмотрел на него с недоумением. Ему безумно хотелось ответить едкостью: если Гу Цинчэн может испугаться до смерти от того, что кто-то просто стукнет себя в грудь, не хрустальный ли он часом? Его и трогать не надо, дуновение ветерка — и рассыплется на кусочки.

Но Гу Цинфэн был человеком робким. Все его бесчисленные мысли и насмешки могли оставаться лишь в глубине души, высказать их вслух он не смел. Он действительно боялся, что раньше, чем он успеет до смерти напугать Гу Цинчэна, Чэн Цзиньнянь придушит его самого.

Гу Цинфэн ничего не ответил. А Гу Цинчэн тем временем, с полусмущенным, полуукоризненным видом, обратился к Чэн Цзиньняню:

— Цзиньнянь-гэ, да с чего ты взял, что я такой хрупкий? Посмотри-ка лучше, это ты, кажется, напугал моего брата.

Чэн Цзиньняню протянул руку, потрепал его по макушке и произнес:

— Разве такой бессердечный человек, как он, способен испугаться?

Гу Цинчэн сладко улыбнулся, а затем легонько подтолкнул его:

— Цзиньнянь-гэ, не мог бы ты выйти на минутку? Я хочу поговорить с братом с глазу на глаз.

Чэн Цзиньнянь помедлил, но кивнул. Однако, проходя мимо Гу Цинфэна, он остановился и сквозь зубы процедил предупреждение:

— Разговаривай с ним нормально и посмей только обидеть Цинчэна.

Как только Чэн Цзиньнянь вышел за дверь, выражение лица Гу Цинчэна тут же переменялось. Гу Цинфэн тоже не собирался разыгрывать с ним сцену братской любви и прямо спросил:

— Слышал, ты хотел меня видеть?

Гу Цинчэн посмотрел на него:

— А сам как думаешь?

Он думает?

Гу Цинфэн холодно усмехнулся. Разумеется, он прекрасно знал, почему Гу Цинчэн то и дело твердит о встрече с ним: исключительно для того, чтобы в глазах Чэн Цзиньняня поддерживать образ любящего и заботливого младшего брата.

Гу Цинфэну было лень срывать с него маску, и он произнес:

— Если у тебя больше ничего нет, я пойду. В конце концов, ты ведь на самом деле вовсе не рад меня видеть. Услышав это, Гу Цинчэн искривил губы в улыбке и произнес:

— Кто сказал, что я не хочу тебя видеть? Я всеми силами рвался на тебя посмотреть.

— Хэ... — Гу Цинфэн тихонько усмехнулся, и в его глазах плескалась сплошная ирония. — Гу Цинчэн, здесь же только мы двое, никаких зрителей нет, к чему тебе этот спектакль? Зачем утруждаться?

Гу Цинчэн внимательно окинул взглядом его лицо и сказал:

— Судя по всему, в последнее время ты живешь совсем неплохо. Раньше я слышал от мамы, что ты вовсе не горишь желанием со мной видиться. Почему же ты вдруг пришел?

— Прошу прощения, видеть тебя я и вправду не рвался, сегодня просто вынужденные обстоятельства. — Гу Цинфэн поднял запястье, взглянул на часы и, изобразив крайнюю занятость, бросил: — У тебя есть еще дела? Если ты намерен и дальше в таком духе со мной беседовать, то извини, но компанию я тебе составлять не намерен.

— Гу Цинфэн, ты ведь сегодня пришел, чтобы поиздеваться надо мной и посмотреть на мой позор, да? — Лицо Гу Цинчэна при этих словах помрачнело, а взгляд вмиг стал мрачным и тяжелым.

— Гу Цинчэн, у тебя случайно не мания преследования? На что тут вообще смотреть? Если бы Чэн Цзиньнянь не заставил меня силой прийти и взглянуть на тебя хоть разок, да будь ты при смерти, я бы и то не явился.

Неизвестно, задели ли его слова какие-то особенно болезненные струны в душе Гу Цинчэна, но тот вдруг холодно бросил:

— Гу Цинфэн, ты что же, желаешь мне смерти?

— Я такого не говорил, — отозвался Гу Цинфэн. — До твоих дел мне нет абсолютно никакого дела, так что не мог бы ты впредь прекратить притворяться, будто нас связывают крепкие братские узы.

— Гу Цинфэн, запомни каждое слово, что ты сегодня сказал. В будущем я обязательно верну тебе всё в стократном размере.

Гу Цинфэн не придавал значения этой угрозе. С самого детства Гу Цинчэн угрожал ему бесчисленное множество раз, и запомнить их все было попросту невозможно.

Однако он не знал, что на этот раз Гу Цинчэн не просто бросал угрозы — он действительно собирался так поступить.

В мире Гу Цинчэна он с самого рождения отличался от собственного старшего брата. Брат рос крепким и здоровым, в то время как к нему с малых лет липли всевозможные болезни.

В процессе их взросления Гу Цинфэн даже не догадывался, что из-за одной этой разницы Гу Цинчэн затаил на него лютую обиду.

Особенно после того, как в раннем детстве он случайно услышал разговор Госпожи Гу и Господина Гу:

— К счастью, тогда мы не стали избавляться от Цинчэна и оставили его. Иначе с характером этого Цинфэна, такого невнимательного и холодного, в будущем от него было бы одни хлопоты и никакой помощи. Для Гу Цинфэна все эти вещи, пожалуй, не имели никакого значения. Будучи человеком простодушным и беспечным, он вырос солнечным и счастливым, несмотря на то, что Госпожа Гу с самого детства относилась к нему так плохо.

Но с Гу Цинчэном дело обстояло иначе. Он с юных лет рос чувствительным и мнительным, вечно додумывал лишнее. К тому же он издавна завидовал тому, что физическое здоровье Гу Цинфэна от рождения было лучше его собственного. А когда он услышал, что родная мать в свое время едва не избавилась от него, то затаил лютую злобу на Гу Цинфэна.

Гу Цинфэн никак не мог взять в толк, как Гу Цинчэн, будучи столь тяжело больным, ухитрился находить столько сил на борьбу с ним.

Поразмыслив над тем, что тягаться с тем ему все равно бесполезно, Гу Цинфэн бросил: — Думай что хочешь. Ради нашего кровного родства я лишь напому тебе: как следует лечись и прекращай уже заниматься всякой ерундой.

Больше всего на свете Гу Цинчэн ненавидел, когда при нем заходили речь о его болезни. Стоило ему услышать слова Гу Цинфэна, как ярость вскипела в нем с новой силой. Сейчас ему до смерти хотелось вскочить с постели и собственными руками придушить Гу Цинфэна.

Но он понимал, что поступить так нельзя — в конце концов, ему необходимо было поддерживать перед Чэн Цзиньнянем образ доброго и мягкосердечного человека.

Поэтому в одно мгновение надменное выражение с лица Гу Цинфэна слетело, сменившись жалобным видом создания, только что перенесшего несправедливую обиду.

Гу Цинфэн еще не успел прийти в себя от шока, глядя на столь переменчивый нрав сводного брата, как вдруг услышал, что дверь позади него отворилась. Следом вошел Чэн Цзиньнянь, окинул их обоих цепким взглядом и произвел: — Поговорили?

Атмосфера в палате царила странная. Опомившись, Гу Цинфэн уже собирался ответить, что они закончили, но не успел открыть рот, как Гу Цинчэн произнес: — Братец Цзиньнянь...

Интонация была выверена безупречно — сплошная обида. Пожалуй, этот голос мог разорвать сердце Чэн Цзиньняня на куски.

И действительно, услышав это, Чэн Цзиньнянь немедленно шагнул вперед, протянул руку и легко коснулся щеки Гу Цинчэна: — Цинчэн, что случилось?

Гу Цинчэн украдкой бросил взгляд на Гу Цинфэна и тут же снова опустил голову, изображая смертельный испуг.

При виде такой картины, даже если бы Гу Цинчэн не проронил ни слова, у любого бы сложилось превратное мнение, будто Гу Цинфэн обидел его.

Чэн Цзиньнянь холодно уставился на Гу Цинфэна, и голос его прозвучал зловеще и низко: — Что ты сделал с Цинчэном?

У Гу Цинфэна отвисла челюсть. Только сейчас он понял, насколько же слеп Чэн Цзиньнянь — и дело было вовсе не в обычном зрении. Ослепло его сердце, раз он начисто лишился способности отличать черное от белого.

В мирке Чэн Цзиньняня всё, что исходило от Гу Цинчэна, априори являлось абсолютной правдой.

А у Гу Цинфэна даже не было права на оправдание: зачастую одного-единственного слова или даже взгляда Гу Цинчэна хватало для того, чтобы Чэн Цзиньнянь вынес ему смертный приговор.

Видя такую реакцию Чэн Цзиньняня, Гу Цинфэн даже не пытался тратить красноречие на защиту. Что бы он ни сказал, всё равно выйдет пустой тратой времени — Чэн Цзиньняню всё равно не достучаться.

Молчание Гу Цинфэна заставило и без того разгневанного Чэн Цзиньняня вмиг опуститься до ледяного бешенства: — Гу Цинфэн, я спрашиваю в последний раз: что ты сделал с Цинчэном?

Пока Гу Цинфэн хранил молчание, Гу Цинчэн улучил момент, легонько дернул Чэн Цзиньняня за рукав и тихо проговорил: — Братец Цзиньнянь, не сердись. Старший брат ничего мне не делал и тем более ничего такого не говорил, не злись на него, ладно?

Чэн Цзиньнянь тут же уцепился за главную зацепку: — Что он тебе сказал? Что именно он сказал? Цинчэн, скажи мне, я живо с ним разберусь!

Гу Цинчэн покачал головой: — Ничего, братец Цзиньнянь, старший брат ничего не говорил, не вини его, со мной всё в порядке.

Чем сильнее Гу Цинчэн уверял в этом, тем меньше Чэн Цзиньнянь верил в то, что всё в порядке.

— Гу Цинфэн, ты сам собираешься сказать, что ты ему наговорил?

Гу Цинфэн с холодным презрением смотрел на них обоих. Он чувствовал себя посторонним наблюдателем, случайно попавшим на нелепый спектакль, и никто вокруг не догадывался, что из-за каждого нового вопроса Чэн Цзиньняня его сердце сжималось от боли так сильно, что захватывало дух.

Приготовься к войне до победного конца

— Разве он сам только что не сказал? Я ничего ему не говорил, — спокойно отозвался Гу Цинфэн. — А что, по-твоему, я мог ему сказать?

Глядя на все более мрачающееся лицо Чэн Цзиньняня, Гу Цинфэн уже мысленно приготовился пойти с ним до конца, разрушив всё до основания. Но в этот самый момент дверь палаты снова отворилась снаружи.

Все трое одновременно повернулись к выходу. Вошла Госпожа Гу и, окинув их взглядом, с улыбкой спросила: — В чем дело?

Гу Цинчэн приподнялся на больничной койке и позвал: — Мам, ты вернулась. Посмотри, братец приходил навестить меня.

Госпожа Гу бегло посмотрела на Гу Цинфэна и наигранно удивилась: — Ой, Цинфэн пришел. Что же ты не садишься, стоишь тут? Гу Цинфэн, казалось, вовсе не услышал слов Госпожи Гу, и с редкой для него вежливостью сказал Гу Цинчэну: — Мне еще нужно заняться делами, не буду мешать тебе отдыхать, я пойду.

Не дожидаясь, пока они хоть что-то ответят, Гу Цинфэн сбежал из палаты так, будто спасался бегством.

Гу Цинчэн откинулся на больничной койке, посмотрел на Чэн Цзиньняня и произнес: — Брат Цзиньнянь, неужели я все делаю не так, раз брат до сих пор не хочет со мной сближаться?

Чэн Цзиньнянь погладил его по голове и ответил: — Чэнчэн, ты тут ни при чем. Этот Гу Цинфэн от природы человек крайне холодный и отстраненный, не обращай на него внимания.

Услышав такие слова от Чэн Цзиньняня, Гу Цинчэн, можно сказать, просто расцвел от радости в душе.

Для него главным поводом для счастья было то, что Чэн Цзиньнянь ни в грош не ставит Гу Цинфэна.

Госпожа Гу, прислушиваясь к их разговору, не удержалась и вмешалась: — Это, случайно, не остепенившийся вновь Цинфэн только что обидел Чэнчэна?

Чэн Цзиньнянь тут же успокоил ее: — Тетя, не переживайте, пока я здесь, я никому не позволю обижать Чэнчэна.

Услышав это, Гу Цинчэн обратился к ним обоим: — Брату просто непривычно, ведь он столько лет не жил с нами, поэтому и держится так отчужденно. Вот привыкнет, и я уверен, брат больше не станет так ко мне относиться.

Этими словами Гу Цинчэн фактически подтвердил саму возможность того, что Гу Цинфэн его обижает. Чэн Цзиньнянь мысленно взял это на заметку, твердо решив при первой же возможности поквитаться с Гу Цинфэном.

Госпожа Гу и без того души не чаяла в Гу Цинчэне, а услышав такое, чуть сама не расплакалась от жалости.

— Наш Чэнчэн с малых лет такой послушный, столько хлопот маме сберег, — вытирая слезы, заговорила Госпожа Гу. — Почему вы оба мои родные сыновья, но твой брат такой непутевый? Мама просто ума не приложит, что с ним делать. Чэнчэн, прости, что из-за него тебе пришлось пережить столько обид.

— Мама, не злись, я не считаю себя обиженным. Брат просто еще не во всем разобрался. В конце концов, мы все одна семья, и раз мы так сильно любим его, со временем он все поймет.

Покинув больницу, Гу Цинфэн сразу вышел на улицу.

Пройдя какое-то расстояние, он вдруг вспомнил, что Чэн Но ждет его в больничном кабинете. Вспомнив об этом, Гу Цинфэн достал телефон и позвонил Чэн Но.

Получив звонок, Чэн Но сразу же сел в машину и примчался к нему.

В этот момент Гу Цинфэн сидел на корточках у обочины дороги, слегка опустив голову и глядя под ноги — он явно о чем-то глубоко задумался.

Остановив машину прямо перед ним, Чэн Но посигналил и крикнул сидевшему на земле человеку: — Цинфэн, садись в машину, здесь парковаться нельзя.

Услышав это, Гу Цинфэн поднял голову, тут же вскочил на ноги, открыл дверцу и забрался внутрь.

Тронувшись с места, Чэн Но спросил: — Почему ты не зашел ко мне в кабинет, а сам побежал на улицу?

Гу Цинфэн молчал, опустив голову.

Заметив, что настроение у того хуже некуда, Чэн Но поинтересовался: — Что-то случилось? Они...

— Я в порядке. — Гу Цинфэн резко поднял на него взгляд, в то время как в его голове снова и снова звучал голос: я в порядке, я ничего не знаю, ничего у меня не спрашивайте.

Видя его состояние, Чэн Но больше не стал расспрашивать. Машина остановилась у жилого комплекса Гу Цинфэна. Поняв, что они приехали, Гу Цинфэн повернулся и тихо поблагодарил его: — Спасибо, что снова подвез меня, Чэн Но.

Улыбнувшись, Чэн Но достал из бардачка выписанные ему лекарства и сказал: — Не стоит благодарности. Разве мы не друзья? К чему эти церемонии?

— Хорошо, тогда я больше не буду говорить спасибо. Скажи, тебе срочно нужно возвращаться?

— Нет, а что такое?

— Останься у меня поужинать, — предложил Гу Цинфэн. — Я сам приготовлю, в знак благодарности за сегодняшний день.

Чэн Но кивнул, его лицо посветлело от радости: — С удовольствием. Нужно купить каких-нибудь продуктов?

Гу Цинфэн указал на дорогу впереди: — Если пройти прямо до конца и повернуть направо, там есть небольшой супермаркет. Давай сходим что-нибудь купим.

Все эти дни Гу Цинфэн дома толком не ел, и в холодильнике шаром покати. Если уж приглашать Чэн Но на ужин, сначала определенно требовалось сделать запасы.

В магазине Гу Цинфэн шел впереди и выбирал продукты, а Чэн Но катил за ним тележку.

Когда-то Гу Цинфэн считал подобную картину одним из самых романтичных проявлений любви между парой. Он бесчисленное количество раз мечтал о том, как они вместе с Чэн Цзиньнянем будут ходить по супермаркету, выбирать ингредиенты и возвращаться домой готовить ужин.

Но всему этому суждено было оставаться лишь в его фантазиях, потому что Чэн Цзиньнянь в этой жизни никогда бы не согласился заняться с ним ничем подобным.

Кроме их прежнего общего дома, они почти никогда не бывали где-то вдвоем.

Стоило им переступить порог того дома, как они превращались в совершенно чужих друг другу людей, и все его попытки сблизиться с Чэн Цзиньнянем были лишь проявлением непомерной самонадеянности.

Стоявший позади Гу Цинфэна Чэн Но заметил, как тот замер с помидором в руке, и не удержался от шутки: — Разве помидоры настолько красивые?

Опомнившись от оклика, Гу Цинфэн с неловкой улыбкой посмотрел на Чэн Но: — Прости, я тут задумался.

Улыбнувшись, Чэн Но сказал: — Ничего страшного. Видимо, томаты и правда прекрасны, сегодня вечером обязательно должны их попробовать.

Положив несколько штук в пакет, Гу Цинфэн кивнул: — Хорошо, будем есть их.

К моменту, когда они вернулись из супермаркета домой, уже наступил вечер. Гу Цинфэн занес овощи на кухню, разложил их по полочкам в холодильнике и принялся за готовку.

С тех пор как он переехал сюда, плита в его доме почти не разжигалась. И вот сегодня, накупив столько всего, он решил впервые за долгое время встать к плите — и надо же такому случиться, что готовить придется для Чэн Но.

Поскольку Гу Цинфэн настоял на том, чтобы все сделать самому, Чэн Но пришлось отправить в гостиную смотреть телевизор.

К счастью, кулинарные навыки Гу Цинфэна никуда не делись: меньше чем за час он состряпал четыре блюда, один суп и сварил кастрюлю риса.

Готовил Гу Цинфэн поистине великолепно, так что Чэн Но, отдав должное его стараниям, съел на порцию риса больше обычного.

После ужина Чэн Но не стал задерживаться и вскоре ушел.

Уже было поздно, да и засиживаться дольше было неудобно.

Стоило Чэн Но уйти, как Гу Цинфэн собрался немного прибраться в гостиной, а затем пойти умываться и ложиться спать, но тут раздался звонок в дверь.

Подумав, что это Чэн Но что-то забыл и вернулся забрать свою вещь, Гу Цинфэн распахнул дверь.

Но вместо этого на пороге обнаружился изрядно захмелевший Чэн Цзиньнянь. Гу Цинфэн инстинктивно попытался захлопнуть дверь, однако Чэн Цзиньнянь опередил его, вклинился в проем рукой и вошел внутрь.

Гу Цинфэн с силой толкнул его со словами: — Убирайся!

Чэн Цзиньнянь потерял равновесие и тяжело врезался в дверь, ударившись затылком. От одного звука удара Гу Цинфэну стало больно.

Впрочем, его совершенно не волновало, болит ли у Чэн Цзиньняня голова, и он повторил: — Я здесь тебя не жду, будь добр, уходи!

Прислонившись спиной к двери и прижимая руку к ушибленному затылку, Чэн Цзиньнянь вдруг рассмеялся в лицо Гу Цинфэну.

С бледным, словно маска, лицом и ледящей душу холодностью во взгляде резких черт, Чэн Цзиньнянь медленно надвигался на него. От этого зрелища Гу Цинфэн от страха невольно попятился назад.

Слегка прищурившись, Чэн Цзиньнянь неожиданно взмахнул кулаком и со всего размаху ударил Гу Цинфэна в челюсть, а затем, вцепившись в его воротник, приподнял и впечатал спиной в стоявший рядом обувной шкаф. В упор глядя ему в глаза, он процедил сквозь стиснутые зубы: — Гу Цинфэн, ты смотри совсем осмелел, раз посмел меня толкнуть?

— Проваливай!

Чэн Цзиньнянь крепко сжал пальцами его подбородок и яростно прорычал: — Что ты сказал?

— Я сказал — катись! Дошло до тебя наконец? — вытянув шею, прокричал в ответ Гу Цинфэн.
— Я велел тебе убираться отсюда!

Разжав пальцы на подбородке, Чэн Цзиньнянь перехватил его за волосы и резко дернул вверх, заставляя выпрямиться. Затем, приложив небольшое усилие, он со всего маху впечатал голову Гу Цинфэна в край обувной шкафа.

От этого удара Гу Цинфэн на секунду полностью потерял ориентацию в пространстве. Алая кровь хлынула из разбитого виска, заливая глаза — зрелище одновременно жуткое и сюрреалистичное.

Внезапно отпустив его, Чэн Цзиньнянь отступил на пару шагов назад и устало потер переносицу. Сильный удар, нанесенный Гу Цинфэну, мгновенно протрезвил его.

Спустя мгновение Чэн Цзиньнянь снова подошел ближе, взял его за руку и виновато произнес:
— Цинфэн, ты как, в порядке?..

К этому моменту Гу Цинфэн уже почти пришел в себя. Страхнув его руку, он оперся обеими руками о шкаф, пытаясь встать, но из-за сильного головокружения его шатало из стороны в сторону.

Чэн Цзиньнянь попытался поддержать его, но Гу Цинфэн резко отшатнулся. Поднеся руку к лицу, он провел ладонью по раненому лбу и тут же перепачкал пальцы в крови.

Глядя на кровавые разводы на кончиках пальцев, он вдруг горько усмехнулся: — Чэн Цзиньнянь, этого достаточно?

Ошеломленный Чэн Цзиньнянь молча смотрел на него, не до конца понимая смысл сказанного, а Гу Цинфэн продолжил: — Если достаточно, то убирайся с глаз моих прямо сейчас! А если нет — давай, добавь еще разок!

Приоткрыв рот, Чэн Цзиньнянь с трудом обрел голос: — Цинфэн, я не хотел, я...

— Не хотел? — саркастично глядя на него, бросил Гу Цинфэн. — Чэн Цзиньнянь, неужели и ты способен чувствовать вину?

Чэн Цзиньнянь и сам чувствовал, что действительно не собирался этого делать. Он понятия не имел, почему сорвался и ударил так жестоко. Ведь он шел сюда с намерением нормально поговорить, а в итоге все превратилось в полный кошмар.

Только что он словно находился во власти какого-то наваждения: стоило ему услышать те слова с требованием убираться, как сидевшая глубоко внутри ярость вырвалась наружу, сметая все на своем пути.

<http://bllate.org/book/20420/2039754>